

Глава 1

— Стало быть, вы вовсе не верите в привидения, сударь мой? — спросила Аграфена Тихоновна, сложив на груди маленькие полные ручки.

Сидевший напротив полицейский чин вздохнул и развел руками:

— Никак нет, сударыня, приучен службою во всем находить земное толкование.

— Так и я, батюшка, хоть и стара, да из ума еще не выжила! Вовек бы не поверила, если б кто рассказал! — воскликнула собеседница, полненькая благообразная старушка с кружевной наколкой на седой голове.

— Вот вы бы мне и рассказали, как дело было, — предложил околоточный.

— Я, сударь, от страха не знаю, с чего начать, все в голове смешалось!

— Я вам помогу. Два дня тому назад ваша прислуга вызвала полицию, потому как в доме появилось непонятное существо, которое не дает вам покою.

— Да, батюшка, не дает, проклятый, все стучит и шуршит, то по углам, то на чердаке. В другой раз слышатся мне будто как шаги, или вроде кто-то ходит по комнатам. А наемдни пошла Глашка, ну та, что к вам

прибегала, на задний двор, заглянула в заброшенный колодец, а оттуда он на нее глазами как сверкнет! Вот она и заголосила, чуть ума не лишилась, бедная!

— А вы сами его видели, там, в колодце? — спросил полицейский, с тоской подумав о нервной прислуге, которой вечером да от усталости пригрезилось черт знает что.

— Сама-то? — протяжно повторила хозяйка. — А как же! Тотчас побежала и заглянула! Страсть какая! — и она размашисто перекрестилась.

— Что же вы там увидели? — допытывался околоточный, все еще надеясь, что история ограничится этим разговором и его место займет батюшка или доктор.

— Да я толком его и не разглядела, больно страшно стало.

— Так существо еще там, в колодце?

— Не знаю, сударь, мы с Глашей туда не подходили больше. Вроде как возился там кто-то.

— Может, зверь какой, собака, например?

— У собак таких глазищ не бывает! — воскликнула Аграфена Тихоновна.

— Придется пойти посмотреть, кто поселился у вас в заброшенном колодце. Кстати, как давно вы им не пользуетесь? — спросил полицейский, поднимаясь со стула.

— Да, почитай, лет пятнадцать будет, как вода из него ушла. Еще Маша, племянница моя, жива была. Муж ее, Павел Гаврилович, тоже покойничек, царство им небесное, так вот он-то и бился все с ним, с колодцем, да все без толку!

Они вышли из комнат и двинулись на задний двор, где и находился злополучный колодец. Хозяйка дома немного поотстала, и страж порядка бесстрашно подошел к колодцу. Полагая, что все услышанное им фантазии и бред, он заглянул в отверстие и тотчас же с ужасом отпрянул назад. Со дна на него глядели горящие глаза, и они, несомненно, принадлежали живому существу.

— Господи, помилуй! — прошептал полицейский.

— Неужто там еще?! — ужаснулась старуха.

Околоточный кивнул и снова приблизился к краю колодца.

— Эй, ты кто такой, зверь или человек?

— Человек я, человек, помогите вылезти, Христа ради! — донеслось из глубины.

— А зачем ты туда полез? — осмелев, спросил полицейский. Ответом ему было жалобное нечленораздельное мычание.

Послали за дворником и веревкой, и через час существо, беспокоившее старую женщину, было извлечено наружу. Оно оказалось страшным грязным музиком непонятного возраста.

— Бог мой, это же Кондратий! — всплеснула руками Аграфена Тихоновна. — Но что ты там делал?

Кондратий только мычал и мотал косматой головой.

— Вряд ли, просидев трое суток кряду в колодце, он сможет что-либо толком нам сказать, — заметил околоточный. — Заберу его в участок, а там разберемся. Кем вам доводится ваше привидение?

— Насмехаться извольте, сударь! — обиделась старуха. — Никем не доводится, крестьянин он из имени Машенькиного, которое супруг ее за долги

продал. Он всю жизнь тут околачивался, все знания какие-то искал, книги магические.

— Магические книги? — удивился полицейский. — Зачем ему?

— Так ведь он вроде как колдун! — просто ответила хозяйка.

— Час от часу не легче! С вами не соскучишься! То привидения, то колдуны!

— Колдун и есть! — прохрипел извлеченный из зловонных недр колодца мужик. — Только мне не верят, а зря, потому как я, простой, дикий на вид мужик, могу управлять великой силой! Правда, пока мне не всегда удается эту силу в нужную сторону направить. Зло — оно сильнее, оттого и лучше сотворается. Вот я всю жизнь свою и маюсь, пытаюсь познавать тайны сии, но они сокрыты для меня! — Кондратий удрученно покачал косматой головой.

— Стало быть, ты свои великие тайны в колодце искал! — устало спросил полицейский, которому эта вся история уже порядком поднадоела.

— Точно так! — обрадованно вскрикнул Кондратий. — Там книги бесценные на дне лежат, гниют, плесень их проедает. А в них и сокрыты ключи от тайн потусторонних! — и он с большим беспокойством стал смотреть на дно колодца.

— Ну и как же, по-твоему, они там оказались, эти бесценные сокровища?

— Сам не знаю! Только они не там должны были бы быть, Маргарита Павловна сказывала, что на чердак сарая ее покойный батюшка их запрятал, подальше от непутевого любопытного взора.

— Так и покойный был колдуном? — обратился полицейский к хозяйке дома.

— Господь с вами, бабушка! Наоборот, он человек ученый был, говорил, что все это мракобесие, и Кондратия гнал вон, а книги его поганые из имения в город увез да припрятал. Я и не знала, что они там.

Полицейский помолчал, как будто вспомнил что-то, достал папиросу и, раскурив ее, спросил Кондратия:

— А Маргарита Павловна знала, где книги лежат?

Тот молча кивнул, а Аграфена Тихоновна заволновалась:

— Что вы, сударь, она вовсе ребенком тогда была, что она могла понимать!

Но полицейский уже ее не слушал, нутром почувствовав интересное расследование.

— Ведь если я вас правильно понимаю, — обратился он к старухе, — речь идет о вашей внучатой племяннице, Маргарите Павловне Прозоровой, которая на прошлой неделе была взята под стражу по подозрению в убийстве супруга своего г-на Прозорова, известного промышленника, не так ли?

Старуха со злым отчаянием смотрела на ненавистного Кондратия, с ужасом понимая, что, сама того не ведая, оказала бедной любимой девочке медвежью услугу.

— Так за что г-жа Прозорова рассказала тебе о том, где спрятаны книги, а? Может, ты ей помог в чем-нибудь? — С этими словами околоточный схватил мужика за грязный рукав и заглянул ему в физиономию.

— Может, и помог, только сам не знаю, как это вышло, — пожал сутулыми плечами Кондратий.

— Да что вы слушаете его, сударь! — заголосила Аграфена Тихоновна. — Он же убогий, сумасшедший он! Вам все это подтвердят!

— А это мы в участке все выясним, я думаю, г-ну следователю будет о чем поговорить с этим любителем таинственного! Ступай! — И он потащил незадачливого Кондратия в полицейский участок.

Полицейский следователь Константин Митрофанович Сердюков был неприятно удивлен появлению в своем кабинете околоточного с грязным вонючим мужиком.

— Вы бы, голубчик, первым делом дали ему привести себя в божеский вид, а то мы тут от этого зловония тотчас выйдем!

— Осмелюсь доложить, ваше благородие, этот субъект имеет непосредственное отношение к недавнему делу, то есть к убийству Прозорова.

— Вот как! — Следователь потер свои длинные худые руки и двинулся к столу. — Ну-те-с, начнем!

Кондратий с большим беспокойством смотрел из-под лохматых бровей, пытаясь понять, что происходит. Полицейский же подробно изложил историю в доме Аграфены Тихоновны.

— Так! — произнес следователь, вытягиваясь на стуле. Он был худой, длинный и очень нескладный. Мундир висел на нем бесформенной тряпкой. К тому же шевелюра его весьма поредела с годами, поэтому вид у него был скучный, и женщины его не любили.

Зато сослуживцы ценили цепкий ум Сердюкова и его фантастическое усердие на тяжелой ниве борьбы с душегубцами, ворами и мошенниками.

— Ну, голубчик, — обратился следователь к задержанному, — Расскажи-ка нам, как ты помог г-же Прозоровой отправить ее супруга в мир иной?

— Что вы, ваше высокоблагородие, как можно! Я и не знал, что муж ее преставился! Да и видел я его от силы раза два в жизни. Поверьте мне, господин следователь!

— Стало быть, не убивал?

Кондратий отчаянно затряс головой.

— А может, подсобил? — Сердюков неожиданно резко перегнулся через стол и пытался разглядеть выражение лица несчастного. Оно выражало крайнюю растерянность и испуг.

«Убийца из него вряд ли получится, а вот запутать и использовать в своих целях гораздо легче», — подумал Константин Митрофанович.

— Ну хорошо, оставим это пока. Тогда Расскажи-ка мне, что это за силы такие таинственные, которыми ты якобы управляешь?

Кондратий оживился, и взор его стал более осмысленным.

— Ваше благородие, я человек простой, неученый, в обычном, так сказать, понимании. Мои науки иные, они неведомы большинству людей. Это тайны добра и зла, возможность по разумению человека вершить оное.

— По-моему, человек вершит и добро и зло уже тысячи лет безо всякого колдовства, — скептически

заметил следователь. Мудреная речь неученого мужика вызывала у него недоумение.

— Я говорю о возможности человека управлять злом или добром посредством своей воли.

— И удавалось подобное? — оживился Сердюков, в рыбьих глазах которого играла усмешка.

— Было разок, только до сих пор сомневаюсь, сам поверить не могу, что удалось повелевать чужой волей и сделать ее своим орудием. — Кондратий замолчал и уставился в дощатый выщербленный пол.

— А орудием добра или зла довелось побывать? И чья это была воля, уж не Маргариты ли Прозоровой? — вкрадчиво спросил следователь.

— Не дурак я, понимаю, куда клоните, только к убийству это никакого отношения не имеет. Это совсем другое дело, другое! — Кондратий поднял голову, и глаза его засверкали. — Она пожелала, чтобы ненависть ее обрела, так сказать, материальную силу. Вот я и помог ей, а она вознаградить обещала, сказать, где в их доме мои книги спрятаны. Хотите знать, как это было? Да очень просто. Я дал Маргарите Павловне горстку крупинок соли, просто соли, не яду, боже упаси! Но в эту соль я вложил ее злость и ненависть. Осталось только дать врагу и ждать результата. И свершилось! — Кондратий аж подскочил на стуле от возбуждения.

— Да что же, наконец, произошло, говори толком! — Сердюков окончательно вышел из себя, слушая эту белиберду.

— Упала она с коня, падчерица ее, Варвара, тяжело упала, ноги теперь не ходят, в колясочке возят, — уже совсем тихо проговорил колдун.

Сердюков с изумлением посмотрел на собеседника. Действительно, несколько лет назад, когда Маргарита еще не была женой Прозорова, его красавица дочь Варя упала на прогулке с лошади и осталась безнадёжной калекой, лишенной возможности ходить на своих ногах. Обстоятельства трагедии были странными, по требованию несчастного отца полиция вела дело, подозревая в злом намерении рабочих из прозоровской галантерейной фабрики. Однако все так и осталось невыясненным.

Сердюков встал из-за стола, походил по кабинету, который был такой же узкий и длинный, как его хозяин, и, остановившись напротив мужика, спросил:

— Значит, ты торжествуешь, что твой магический опыт удался? А несчастная, которая во цвете лет стала калекой, ее судьба тебя не мучит, а, повелитель зла?!

— Что значит один человек! Песчинка перед возможностью управлять гигантскими потоками человеческой воли! Да я и не знал, смогу ли я. Важно самому теперь понять, где пределы моих возможностей! — Кондратий вновь возвысил голос и затряс головой, словно утверждая свое колдовское могущество.

— Я полагаю, в ближайшее время твои горизонты будут весьма ограничены стенами камеры, — жестко заявил следователь.

— А какая моя вина, ваше благородие, коли я дал г-же Прозоровой только соль, самую простую соль, — Кондратий хитро прищурился и в первый раз улыбнулся щербатым ртом.

Сердюков разозлился. Сумасшедший? Новый пророк, вершитель судеб? Но как странно упала бед-

ная Варя! Черт знает что! Вероятно, г-же Прозоровой придется поведать о ее взаимоотношениях со своей падчерицей, которая к тому же являлась ей ровесницей, так как покойный был старше жены раза в два.

Сердюков ожидал прихода Маргариты Прозоровой. Его угнетал тяжелый дух, который стоял в кабинете после ухода доморощенного колдуна. Следователь открыл форточку, но слабый поток воздуха с шумной улицы почти не приносил облегчения. Поэтому г-жа Прозорова, доставленная по его приказу, застала Сердюкова в большом раздражении. Это раздражение следователя усугублялось еще и тем обстоятельством, что всякий раз, когда по делу проходила привлекательная молодая женщина, он совершенно не мог выбрать к ней правильное внутреннее отношение.

Красота настораживала его, внешняя привлекательность уже сама по себе была, по мнению Сердюкова, орудием преступления. Он вел себя учтиво, но против своей же воли действовал жестко и без сентиментальностей. Вот и теперь с тоской смотрел он на Прозорову, мягко вплывавшую в затхлый кабинет. Женщина была невысокого роста, приятной полноты, темное платье ловко облегалo пышные пропорциональные формы. Солнечный луч, неожиданно сверкнувший сквозь муть невымытого стекла, зажег на ее голове настоящий пожар из копны пышных рыжекоричневых волос. «Таковыми волосами украшал своих героинь Тициан», — невольно подумалось следователю. Движения Прозоровой были плавны, и вся

она казалась такой мягкой, округлой, что Сердюков с трудом удержался от желания погладить ее. «Кошка, большая рыжая кошка. Однако повезло покойничку, на старости лет получить такой огненный цветок!»

— Маргарита Павловна, прошу садиться, — деревянным голосом предложил следователь. Она кивнула и молча села, аккуратно расправив складки платья, словно находилась не в доме предварительного заключения, а на званом балу.

— Мы не виделись два дня, сударыня, у вас было время поразмыслить о происшедших с вами событиях.

— Это для вас два дня, а для меня вечность! — с некоторым нажимом произнесла вдова. Голос у нее был под стать внешности, низкий и мягкий.

— Я понимаю, сударыня, тюрьма не слишком удобное место для молодой изысканной женщины. Я также понимаю и вашу заботу о младенце, оставленном на попечении родни. Но все, что вы рассказали мне до этого, не вносит ясности в дело, да и кое-что прибавилось! — Сердюков, чтобы придать себе больше уверенности, широкими шагами ходил по кабинету.

— Что же прибавилось? — спросила вдова, но в голосе ее следователь не услышал желанного испуга, который так часто помогал ему в подобных ситуациях. Остановившись напротив, он внимательно посмотрел в лицо женщины, пытаясь прочесть там следы душевной борьбы или раскаяния. Но лицо было спокойно, хотя прекрасные зеленые глаза все еще хранили следы недавних слез. Маргарита Павловна выдержала его испытующий взгляд и, слегка усмехнувшись, произнесла: